
ПРОСТАК ЗА ГРАНИЦЕЙ

Степень бакалавра по философии, политики и экономике была учреждена в 1920-х годах в Бэллиол-колледже Оксфордского университета как более современная альтернатива степени по классическим языкам. На этих факультетах готовили тех, кто поступал на британскую гражданскую службу, чтобы управлять империей. Конечно, в то время британцы и не догадывались, что империя уже на последнем издыхании. Сейчас я уже достаточно знаю об университетском образовании, чтобы задуматься, не ускорила ли ее упадок подготовка множества столь блестящих и уверенных в себе выпускников-теоретиков.

В 1918 году Великобритания была самым богатым и могущественным государством. На карте мира мало было мест, не обозначенных флагом Британской короны. XIX век был веком расцвета международной торговли, в это время произошла интеграция мировых экономик: их становилось все

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

больше — в основном к выгоде Британии, морской державы. Для развития экономики, общества и искусства это было прекрасное время. Но все империи подходят к закату. Кровь и деньги, вложенные в Бурскую войну, вызвали в стране такую же панику и долги, которые веком позже стали результатом действий тщеславных политиков следующей империи — Соединенных Штатов Америки. Они выбрасывали на ветер жизни людей и ресурсы, тщетно тратя усилия на войны во Вьетнаме и Ираке, до предела истощая нацию в военном, геополитическом и экономическом отношении, не говоря уже о моральном. Первая мировая война, политическая реакция на страшный террористический акт, ускорила падение Британии. Члены королевских семей Великобритании и Германии еще в 1910 году проводили вместе отпуск как лучшие друзья (и родственники), а в 1914-м их дети убивали друг друга в окопах Франции. Великобритания вступила в Первую мировую войну не в лучшем положении, а к ее окончанию оно еще и ухудшилось под бременем огромного внешнего долга. В 1939 году она блокировала могучий фунт стерлингов, и на сорок лет он стал регулируемой валютой. Страна больше не считалась конкурентоспособной.

После Второй мировой войны началось постепенное сокращение военного присутствия страны в Европе. С 1960-х годов Великобритания постепенно перестала защищать свои интересы «к востоку от Суэца», да и вообще поддерживать существование империи. Одним из таких интересов был Сингапур. Имя города — «город льва» (это дословный перевод санскритских слов singh (лев) и pura (город)) — восходит к легенде об основании города, зафиксированной в малайских хрониках. Высадившись на берег для исследования

острова, Санг Нила Утама, князь Палембанга, согласно легенде, увидел животное, которое, как ему сообщили, было львом. Решив, что это хороший знак, он дал его имя королевству, которое основал здесь в начале XIV века. (Кстати, если князь кого-то и видел, то, скорее всего, малайского тигра, потому что львы, даже азиатские, никогда не водились восточнее Индостана. Тигры же встречались в дикой природе близ Сингапура еще в 1930-х годах.) Британцы взяли «город льва» под свой контроль в 1824 году. В 1969 году, накануне вывода британских колониальных властей с острова, чиновники, распивая прощальные коктейли в отеле «Раффлз», бормотали: «Это конец Сингапура». Все соглашались, что Сингапуру и впрямь конец — заболоченное, отчаянно нищее поселение из полумиллиона человек, не имевших никакой надежды на улучшение. Вернувшись домой в последние дни империи, эти служащие могли лишь издалека смотреть с открытым от изумления ртом за тем, как разворачивалась история, возможно, самого крупного успеха за последние сорок лет. Сейчас Сингапур — одна из богатейших стран мира, а по доходу на душу населения, возможно, самая богатая, если судить по международным валютным резервам.

Конец же наступил как раз Британии. В 1976 году, не сумев продать государственные ценные бумаги, эта бывшая империя вынуждена была униженно просить Международный валютный фонд о субсидии. Еще в 1918 году над этой великой державой никогда не заходило солнце, но за одно поколение она низверглась в экономический хаос, а за три стала банкротом. Когда Британия оправилась, набирали вес Соединенные Штаты, за полвека ставшие доминирующей мировой силой с точки зрения экономики, военной мощи

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

и геополитики. Маргарет Тэтчер, избранная в 1979 году, сумела остановить крушение Великобритании, и ей страна обязана многими позитивными изменениями. Но именно в 1979 году началась добыча нефти в Северном море (найдите мне гигантское нефтяное месторождение, и я тоже обеспечу вам хорошую жизнь). Помимо ужесточения фискальной политики, Маргарет Тэтчер прекратила регулирование обменных курсов, которое действовало в Британии с 1939 года. Когда в 1964 году я приехал в Оксфорд, фунт стерлингов не был свободно конвертируемой валютой. Нельзя было купить или продать фунт без соблюдения строгих правил и ограничений. Нельзя было вывозить из страны значительные суммы. Фунт постоянно находился в кризисе. Каждую неделю на занятиях по экономике разговор постепенно сползал на новые проблемы с фунтом. Курс был установлен на отметке 2,80 доллара, но был явно завышен. Он вовсе не отражал состояния — довольно плачевного — британской экономики. Государство, находясь на грани банкротства, становилось все менее конкурентоспособным. Никто не хотел инвестировать в Великобританию, да и она сама мало куда уже могла инвестировать. У меня как у студента Оксфорда был банковский счет иностранного гражданина, где отмечалось, что вносимые мной деньги — иностранные, в моем случае доллары, поэтому я, к счастью, мог ими свободно распоряжаться. Банк отмечал, сколько иностранной валюты я ввез. Мне не разрешили бы покинуть страну, имей я на руках большую сумму валюты. Счет строго и жестко контролировался. Денег у меня было не так уж много, но я старался не брать до выходных больше определенной суммы, потому что обычно именно на выходных правительство девальвировало валюту. Это было

очевидно даже наивному двадцатидвухлетнему юнцу. Два года у меня в кармане никогда не водилось больше двух шиллингов шести пенсов — британской полукроны. Ситуация становилась все хуже и хуже (торговый баланс ухудшался, национальный долг рос), и, оказалось, я был прав. Однако правительство объявило девальвацию только через год после того, как я окончил университет.

Я был прав, но ошибся во временных расчетах: эта особенность, которую я воспринимал со смешанными чувствами — все верно, но слишком рано, — неоднократно сказывалась во время моей карьеры инвестора и составляла одну из ее наиболее примечательных черт. Фунт упал до 2,40 доллара, но курс не удержался. После того как обменные курсы в 1970-х отпустили, он оказался на отметке 1,06 доллара. Если бы курс валюты в это время можно было бы опускать постепенно, британская промышленность сумела бы адаптироваться, подготовиться к возможным изменениям и стать более конкурентоспособной. Вместо этого последовал обвал фунта. При Тэтчер Лондон вновь стал международным финансовым центром, и Великобритания пережила 20 — 25 лет расцвета. Но сегодня ресурсы Северного моря истощаются. Соединенное Королевство вновь становится импортером нефти. И поскольку финансы сейчас уже не считаются драйвером благосостояния (в ближайшие 20 — 30 лет много денег на финансах не сделаешь), истощается и Лондон. Страна страдает от долгов и снова пребывает в упадке.

В 2010 году я вместе с семьей снова посетил Оксфорд. Меня пригласили прочитать одну из лекций Оливера Смитиса в Бэллиол-колледже — серии лекций, учрежденной американским генетиком британского происхождения,

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

получившим образование в Бэллиоле, Нобелевским лауреатом 2007 года, и названной в его честь. Мне предложили поделиться взглядами на будущее с нынешними студентами. Но если бы вы спросили о цели визита моих дочерей, девочки ответили бы: «Отдать им лодку». Расскажу все по порядку.

Для Оксфорда есть только один значимый вид спорта — гребля. И нет более важного спортивного события, чем Регата. Первая регата между Оксфордом и Кембриджем была проведена в 1829 году. Каждую весну на Темзе соревнуются восьмерки — в последнюю субботу марта или в первую субботу апреля. В Йеле я три года был рулевым, много читал и слышал о регате и хорошо понимал ее значимость, когда приехал в Оксфорд. Участвуя в ней, ты становишься в стране кем-то вроде национального героя. Козырни участием — и мало найдется в Англии пабов, где тебе не поставили бы пинту пива или (ведь это все-таки Англия) несколько пинт. (В 2010 году около 250 тысяч зрителей выстроились вдоль трассы длиной более семи километров. Регата собрала у экранов более шести миллионов человек только в Великобритании. Она транслировалась BBC более чем в 150 странах.) Сотни студентов, представляющих различные команды Оксфордских колледжей, включая множество рулевых, каждую весну соперничают за девять мест в так называемой «синей лодке». Синей она называется потому, что атлеты Оксфорда и Кембриджа, выступающие на самом высоком уровне, получают спортивную Синюю награду. Естественно, что этой награды по определению заслуживают и все участники обеих команд Регаты, которых и называют синими (темно-синие — оксфордцы, светло-синие — кембриджцы). Когда меня избрали рулевым Синей лодки на втором курсе

обучения в Оксфорде, я стал всего лишь вторым американским рулевым за 137 лет проведения Регаты. Кстати говоря, первый американец тоже учился и в Йеле, и в Бэллиоле. А в тот год, когда он был рулевым (кажется, это был 1951-й), лодка Оксфорда пошла ко дну. Когда объявили, что Оксфорд выбрал этого Роджерса, выпускника Йеля, который учится в Бэллиол-колледже, все подняли шум: «О господи, еще один американец сейчас потопит Оксфорд!» Я почти потерял место в составе.

После того как тебя выбрали, ты должен сам купить себе синий блейзер, специальные синие шарфы и свитеры, а также белые брюки. Носить все это следует с черными туфлями. У меня была только одна пара выходной обуви — темно-коричневые, которые я считал компромиссом между черным и коричневым цветом. По паре каждого цвета я себе позволить не мог, так что решил, что темно-коричневые, из дубленой кожи, сойдут за оба варианта. Помню, как Дункан Клэгг, президент Оксфордского университетского гребного клуба, подошел ко мне и сказал:

— Тебе надо избавиться от этих коричневых туфель.

— Но они не просто коричневые, а темно-коричневые, из дубленой кожи, — ответил я. (И кстати, для меня довольно дорогие.)

— Нет, — сказал Дункан, — не пойдет.

Я возразил:

— У меня нет денег! Все эти вещи стоили мне целое состояние, и мне просто не хватило на пару туфель. Очень обидно, если из-за этого я потеряю место в лодке, но я ничего не могу поделать.

В итоге мне разрешили оставить коричневые туфли.

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

Тогда, в 1966-м, мы опередили Кембридж в Регате на три с половиной корпуса. В 1965 году, за год до этого, впервые в истории гонки (положив начало традиции, которая соблюдается и по сей день) резервные составы университетов сошлись в предварительном старте. Я управлял оксфордской лодкой «Айсис». (Лодка резервного состава называется в честь рука-ва Темзы, реки Айсис, протекающей через город.) В тот год, мой первый в Оксфорде, я соревновался за место в Синей лод-ке. Но из-за одного «недоразумения», как сказали бы британ-цы, я вообще чуть не бросил греблю. Поскольку любой спорт в Оксфорде непрофессиональный (от нас даже требовали покупать собственную форму), тренеров по гребле набирали из числа желающих, и в тот год главным тренером, формиро-вавшим команду на Регату, стал австралиец Сэм Маккензи, экс-чемпион мира по гребле. Довольно темная личность, он был всегда нацелен на любовные похождения, по профессии же был определителем пола цыплят. За эти умения его высо-ко ценили в области птицеводства. Набирая состав на гонку против Кембриджа, Маккензи и президент яхт-клуба Майлс Морланд в том году приняли следующее решение. Проблему, с которой я столкнулся, описывает Кристофер Додд в сво-ей книге 1983 года «Регата Оксфорд — Кембридж» (Oxford and Cambridge Boat Race): «Джим Роджерс-младший спо-койно учился в Бэллиол-колледже и был рулевым "Айсис", но в январе получил [от отца] письмо, шокировавшее его. Он думал над ним несколько дней, чувствуя себя простаком за границей, а потом решил, что лучшее в этой ситуации — сойти с дистанции. Он не хотел участвовать в игре, в которой к тому же невозможно было понять, кто играет с хорошими

картами, а кто нет. Он пошел к своему тренеру Дэвиду Харди и объяснил, что собирается отказаться от места в команде "Айсис" и бросает греблю. Харди, почувствовав неладное, провел расследование. Он вызвал Роджерса и попытался выжать из него, почему же тот отказался. Харди озадачил такой поворот, ведь этот парень был хорошим рулевым. И тогда Роджерс показал ему письмо...

Оно было отправлено Джиму Роджерсу-старшему в Алабаму, который вряд ли до конца понимал, где находится Оксфорд и что такое Регата, зато общий посыпок намеков Маккензи понял хорошо. В письме было два-три абзаца об Оксфорде, о Регате, об успехах Роджерса-младшего в гребле. А в конце приписка о том, что с помощью четырехзначной суммы, которая должна была оказаться на счету Маккензи, Роджерсу-сыну можно гарантировать место в Синей лодке. В самом же конце Роджерс-старший приписал, обращаясь к сыну: "Этот парень сумасшедший или рехнулся я?"

Я к тому времени находился в Оксфорде всего несколько месяцев. Другие же члены команды знали друг друга много лет. Я не понимал, что происходит, но сознавал, что в любом случае не хочу иметь с этим ничего общего, так что единственным решением, как мне казалось, был мой уход, то есть я собирался выбрать путь наименьшего сопротивления. Но Харди отговорил меня. Он отнес письмо куратору и секретарю яхт-клуба, знатоку права Веру Дэвиджу, казначею Кебл-колледжа, который сам был хорошим гребцом. За неизменным графинчиком портвейна он сказал мне: «Сэм никогда не казался мне подходящим человеком», — и Маккензи был уволен.

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

Восемь гребцов «Айсис» и я победили Кембридж, и мы решили остаться вместе, чтобы выступить летом на Хенлейской королевской регате. Эта регата — крупное общественное событие в Великобритании, она длится пять дней в июле и называется королевской, поскольку ее патроном является член королевской семьи (в то время им был принц Филипп). На состязания приезжают посмотреть со всего мира. Если твоя университетская команда выступает хорошо, участие в Хенлейской регате становится наградой. Я слышал о ней еще в Йеле и знал о гонке все. Я наизусть знал всю статистику, но мне никогда даже в голову не приходило, что однажды я там выступлю. Наиболее престижным состязанием регаты считается Кубок вызова для восьмерок — вручается с первого соревнования, прошедшего в 1839 году. Мы с гребцами решили выступать в Кубке Темзы, который в 1965 году, как и сейчас, считался вторым по престижности. Я был рад даже тому, что мы стоим в числе участников регаты, а от победы и вовсе пришел в восторг: на пути к золотой медали мы установили рекорд Кубка Темзы, и так я впервые попал в Книгу рекордов Гиннесса!

Сейчас яхт-клуб Бэллиол-колледжа выставляет и мужские, и женские команды, и их лодки для первого состава восьмерок называются «Биленд Роджерс» и «Хэппи Роджерс» соответственно. Я подарил колледжу «Хэппи Роджерс», которую назвал в честь старшей дочери, в 2007 году. «Биленд Роджерс», названную в честь второй дочери, я вскоре пожертвовал мужской команде. Мужская лодка в 2009 году как раз успела выступить на Неделе восьмерок в Оксфорде, которую также называют Летними восьмерками, — кульминации гребного сезона. После Регаты это самое важное

университетское соревнование по гребле, а также большое общественное событие: четыре дня гонок в семи мужских классах и шести женских, в которых участие принимает 158 лодок. Некоторые колледжи выставляют сразу по пять мужских и женских команд. В 2008 году первая мужская восьмерка Бэллиола одержала победу впервые за пятьдесят два года. В 2010 году, выступая на «Хэппи Роджерс», женская первая восьмерка колледжа заняла первое место вообще впервые за тридцатилетнюю историю гонки. (В 2011 году они повторили свой успех.) В 2009 году мужская команда тоже должна была выиграть, но перевернулась. Так или иначе, обе мои дочери могут похвастаться тем, что названные в их честь лодки выигрывали регату.

Обед победителей в честь победы женской восьмерки в 2010 году совпал с лекцией Смитиса, которую я читал в том году, и мы с моей женой Пейдж прибыли на церемонию с детьми. Хэппи было тогда семь лет, а Бэби Би — два с половиной года. Обе девчушки, облаченные в свои лучшие платья, получили возможность официально «окрестить» лодки шампанским. Я наградил каждую участницу женской команды золотым совереном 2010 года выпуска, а каждого участника мужской восьмерки — такой же монетой чеканки 2008 года, отметив таким образом год победы каждой лодки. Монеты вручала Хэппи. После этого она объявила, что дарит женской команде вторую лодку, которая будет называться «Хэппи Роджерс II».

НЕУДИВИТЕЛЬНО, что мои замечания привели в недоумение студентов Бэллиол-колледжа. Их смятение понятно: они не хуже меня знали, насколько все изменилось с тех пор, как

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

я учился в Оксфорде. Но они не понимали, что как раз то, что изменилось, например усиление роли финансов, сегодня меняется в обратную сторону.

На втором курсе Оксфорда мой профессор по экономике Уилфред Беккерман сказал: «У нас нет никого похожего на тебя. Мы не знаем, что с тобой делать. Большинству здесь совершенно не интересны фондовые биржи. На наш взгляд, лондонский Сити не имеет никакого значения. Он не оказывает влияния ни на мировую экономику, ни даже на экономику Великобритании. Никому это не интересно».

В 1960-е большинство профессоров в Бэллиол-колледже были социалистами. Свободный рынок ничего не значил для академических исследователей, консультировавших правительство. Когда в 1964 году я приехал в Оксфорд, лондонский Сити, финансовый центр страны, попросту игнорировали. Лучшие и умнейшие студенты Бэллиола хотели делать карьеру в сфере образования и на государственной службе. Считалось, что работа в Сити — для дурачков.

Мой преподаватель экономики был прав. Сити, как и Уолл-стрит, превратился в болото.

Когда в 2010 году я вернулся сюда читать лекции, ситуация значительно изменилась. Лондон снова стал мировым финансовым центром — действительно ведущим финансовым центром мира. И студенты Бэллиола, пришедшие ко мне на лекцию, принадлежали к поколению учащихся, собиравшихся строить карьеру в сфере банковских инвестиций. Более того, некоторые из них управляли собственными хедж-фондами прямо из своих комнат в общежитии.

Они признавались, что хотят заниматься тем же, чем и я, и спрашивали, зачем им вообще учиться. «Изучайте

философию, — отвечал я. — Изучайте историю». «Нет, нет, нет, — говорили они, — мы хотим работать в Сити. Мы хотим быть богатыми». «Раз так, — отвечал я, — лучше вам держаться от Сити подальше: он вскоре снова станет болотом. Песенка финансовых сплета. Изучайте лучше хоть сельское хозяйство». Я посоветовал тем, кто хочет разбогатеть, становиться фермерами.

Сегодня одни только Соединенные Штаты выпускают более 200 тысяч магистров делового администрирования в год по сравнению с пятью тысячами в 1958-м. В остальном мире ежегодно появляются еще десятки тысяч (в 1958 году за пределами США не было ни одного). За следующие несколько десятилетий эта степень обесценится и станет пустой тратой времени и денег. В финансовой отрасли существуют значительные долги по сравнению с предыдущими десятилетиями. Появились новые контролирующие и регуляторные органы, новые налоги, в результате финансы становятся все более дорогими. И правительства все хуже расположены к финансистам, как было и в 1930-е годы.

Эти выпускники бизнес-школ хорошо бы сделали, если бы занялись переподготовкой в области сельского хозяйства и добывающей промышленности. Сейчас эти отрасли изучаются меньше, чем связи с общественностью, а будущих горных инженеров меньше, чем тех, кто изучает физическое воспитание или спортивный менеджмент. Но в будущем фермерство станет гораздо более доходной отраслью экономики, чем финансы. Скоро брокеры будут крутить барабанку такси, а умнейшие из них пересядут на трактора, чтобы работать на фермеров, которые, в свою очередь, станут гонять на «ламборгини».

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

(Кстати, компания Lamborghini, которая выпускает сейчас спортивные машины, начинала как предприятие по выпуску тракторов. Ферруччо Ламборгини основал Lamborghini Trattori в 1948 году. Свои первые тракторы он собрал из излишков автомобильных двигателей и запчастей от военной техники, а вскоре стал одним из крупнейших производителей сельскохозяйственного оборудования в Италии. В 1963 году он основал компанию Automobili Lamborghini. Я слышал, что сделал он это потому, что как-то предложил Энцо Феррари продать ему машину, но синьор Феррари заявил, что не желает видеть за рулем своей машины тракториста. Нужда — мать изобретательности, так что Ферруччо стал делать собственные авто.)

Сейчас сырьевой рынок демонстрирует устойчивый рост. За время последнего бычьего тренда на рынке сырья в 1970-е годы, когда цены на продукты питания резко подскочили, возникли крупные запасы товаров. В 1980-е годы мировые запасы продовольствия составляли примерно 35% от потребления — возможно, самый большой процент в истории. В итоге, разумеется, цены резко упали. Например, цена сахара понизилась с 66 центов за фунт в 1974 году до двух центов в 1987-м. Фермеры повсюду несли убытки, поэтому в США музыканты, например Уилли Нельсон, организовывали благотворительные концерты в помощь фермерам. Сельское хозяйство стало нерентабельным сектором экономики, и каждый будущий американский фермер, вместо того чтобы трудиться на земле, как его отец и дед, получил степень по бизнесу и пошел работать на Уолл-стрит. Там были деньги, и там было дело.

Но времена изменились. Сейчас средний возраст американских фермеров — 59 лет. Через десять лет этим людям

будет шестьдесят девять, если они еще будут живы. В Японии средний возраст сейчас даже выше — 67 лет. Фермы приходят в упадок. Если вы поездите по стране, то повсюду будут попадаться широкие опустевшие поля. Японские фермеры уже состарились, а их дети играют на бирже в Токио или Осаке. В Японии положение уже настолько отчаянное, что правительство этой страны, одной из самых шовинистических в мире, разрешило в порядке эксперимента въезд в страну китайским фермерам, которые должны обрабатывать эти поля. Еще хуже обстоят дела в Индии. Поскольку заниматься сельским хозяйством все труднее и труднее, сотни тысяч индийских фермеров за последние пятнадцать лет покончили жизнь самоубийством. В среднем в Индии каждые полчаса совершает самоубийство один крестьянин, согласно данным журнала *Forbes* за май 2011 года.

Цены никак не достигнут того предела, когда выращивание сельскохозяйственных продуктов станет прибыльным, а тем временем крестьян всего мира, которые сейчас стареют и умирают, просто некем будет заменить. Цены должны вырасти — и они вырастут. В последние годы мир потребляет больше еды, чем производит. Запасы, которые были так велики в 1980-е, сегодня находятся на исторически низком уровне — около 14% от потребления. Нас ожидает серьезный дефицит. Цены на продукты питания уже на низком старте, и винить в этом некого. Если они существенно не вырастут, то нас ожидает беспрецедентная ситуация: еду уже нельзя будет достать ни по какой цене.

Начало бычьего рынка в сырьевой сфере приходится на 1999 год. В момент, когда я пишу эти строки, он длится уже четырнадцать лет. Как и все бычьи рынки, закончится

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

он пузырем. Когда люди на коктейльных вечеринках станут рассказывать, что нажили свое состояние на соевых бобах, нужно будет готовиться к схлопыванию. Но несколько лет бычий рынок еще протянет. Цены на продукты, сырье и природные ресурсы, разумеется, будут держаться на приличном уровне, если мировая экономика выпрявится (рост инициирует спрос), — и будут держаться, если экономика не выпрявится, потому что правительство, как обычно бывает, — хотя вообще-то этого делать не стоило бы, — напечатает больше денег; а это всегда приводит к укреплению цен на реальные товары — серебро, рис, энергию и другие элементы реального сектора, которыми инвесторы пытаются защититься от снижения валютного курса.

Но это уже другая история, и я расскажу ее позже.

Тем, кто пришел на мою лекцию в Бэллиоле в 2010 году и кто все еще хотел работать в финансовом секторе, я объяснил, почему изучение философии и истории, на мой взгляд, необходимо инвестору. Я сказал им: «Вы должны лучше узнать себя, если хотите чего-то добиться в жизни; нужно научиться мыслить глубоко, чтобы понимать, в чем истина». Изучение философии помогло мне развить эти навыки, научило независимому мышлению, заставило наперекор устоявшимся шаблонам рассматривать проблемы в разных точек зрения, проверять каждую идею и «факт». Я научился искать недостающие фрагменты головоломки. Сейчас для многих привычно шаблонное мышление, потому что гораздо проще и безопаснее цитировать чужую мудрость, мнение большинства, ограниченное в полете мысли рамками государства, культуры или религии. Думать не так, как другие, сложно. Философия заставляет вас думать — и тем самым учит сомневаться.

История учит нас по крайней мере одному: то, что кажется сегодня бесспорным, завтра открывается в другом свете. Даже самые стабильные и предсказуемые общества подвержены крупным потрясениям. Австро-Венгерская империя, бриллиант в короне Центральной Европы, в 1914 году представляла собой крупный международный центр благосостояния. На Венской фондовой бирже в то время было около четырех тысяч участников. Через четыре года государство Австро-Венгрия исчезло с карты мира. Возьмите любой год и прибавьте лет десять-пятнадцать, например: в 1925 году повсюду распространились мир, процветание и стабильность. Как все это выглядело в 1935-м? А в 1940-м? Возьмите первый год каждого десятилетия за последние пятьдесят лет — 1960-й, 1970-й и далее, к миллениуму. Общепризнанная мудрость, существовавшая в начале каждого десятилетия, опроверглась через десять-пятнадцать лет.

БУДУЧИ СТУДЕНТОМ ОКСФОРДА, я путешествовал не так много, как мне хотелось бы (не было средств), но именно тогда я начал утолять жажду к путешествиям. Учебный год в Англии прерывается двумя шестинедельными каникулами — на Рождество и на Пасху. Поскольку все из-за того же недостатка денег я не мог в свое первое Рождество полететь домой, то объединился с двумя американцами, у которых была машина, и мы поехали в Марокко. Расстались мы в Мадриде: мои попутчики отправились на юг, а я автостопом двинулся в Лиссабон, а потом в Гибралтар, где должен был встретиться с ними по дороге обратно в Оксфорд. Когда их паром бросил якорь в Гибралтаре, оказалось, что в машине с ними едут три молодые американки.

БУДУЩЕЕ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ В МИРЕ

Одна из них, милая еврейская девушка из Филадельфии по имени Лоис, училась в Пенсильванском университете. Ее родственник, врач, служил в американском посольстве в Копенгагене, поэтому Лоис вместе с его семьей путешествовала по Европе. Направлялась девушка в Данию. Через триста километров пути на север машина сломалась, и я, хотя это было довольно сложно, убедил Лоис ехать со мной автостопом в Париж, где она села бы на поезд до Копенгагена, а я направился бы дальше в Оксфорд. Три или четыре ночи мы провели вместе на дороге (попутчица моя спала в двух парах лыжных штанов) и в Париже, перед расставанием, пообедали по дороге на вокзал.

— Ты не можешь сейчас уехать, — сказал я. — Ты еще не все доела.

— Мне двадцать два года, — ответила Лоис. — Я не обязана доедать все, что лежит на тарелке.

— Когда ты была маленькой, разве родители не говорили тебе, чтобы ты думала о бедных голодающих детях Китая?

— Они говорили, — уточнила она, — чтобы я думала о бедных голодающих детях в Алабаме.

Когда наступило мое второе Рождество в Оксфорде, Лоис сняла там квартиру. Летом мы автостопом поехали в Югославию, после чего присоединились к трехнедельному студенческому туру по пяти другим коммунистическим странам: ГДР, Польша, Чехословакия, Украина и Россия*. Благодаря этой поездке я впервые познакомился с жизнью за железным занавесом и узнал, как работает черный рынок.

* Украина и Россия входили в состав СССР и были единым государством. Прим. перев.

Простак за границей

Советский рубль не был свободно конвертируемой валютой. Его нельзя было продавать и покупать на рынке, ввозить в Советский Союз и вывозить из него. Но в офисе American Express в Лондоне были рубли, и их можно было купить с большой скидкой, как и на черном рынке в России, получив примерно впятеро больше официального курса. Мы купили в Лондоне кучу рублей, которые Лоис спрятала в своем нижнем белье, и ввезли контрабандой в Советский Союз. Товары и услуги в этой стране, хотя их было и ограниченное количество, по западным стандартам были дешевы, а для нас оказались еще дешевле. Прошли многие годы, а я, путешествуя по миру, сразу после пересечения границы чуть ли не первым делом ищу черный рынок.

К нашему третьему совместному Рождеству мы с Лоис поженились, хотя ее родители были недовольны тем, что я не еврей. И я твердо намеревался попасть на Уолл-стрит.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)